

Семья Цинь пополнилась еще одним ребенком. Слухи в усадьбе разлетелись мгновенно, и чего только люди не болтали.

На улице разыгралась буря, еще не наступил вечер, а небо уже затянуло густой черной пеленой. Домашняя прислуга суежилась, заноса цветы из сада в дом, а на кухне аппетитно шкворчал куриный суп в скороварке. Старушка Чэнь, опираясь на трость, подошла к двери комнаты своего внука и постучала.

— А-Цзай, не забудь закрыть окна.

Из комнаты слышался грохот падающих игрушек, а следом — детский голосок:

— Понял, бабушка.

По дому поплыл аппетитный аромат домашней еды. Служанка бережно достала из стерилизационного шкафа детскую миску и палочки — у миски откололось одно из декоративных тигриных ушек. Ради этой половинки семья Цинь перебрала множество точно таких же комплектов, но ни один не подошел. Пришлось оставить этот. Каждый раз, когда слуги брали его в руки, они тщательно мыли руки и несли посуду на стол, придерживая ее обеими ладонями, до смерти боясь уронить.

Старушка Чэнь слушала оперу в собственном домашнем театре, тихонько напевая себе под нос, когда к ней подбежал слуга и что-то прошептал на ухо. Выслушав его, старушка поднялась и направилась в главный дом.

Едва она вошла, как увидела сына с невесткой — они не появлялись дома больше полугода. Ворвавшись в дом вместе с порывом ледяного ветра, они вели за руку шатающегося малыша.

Цинь Ли поздоровался с матерью и подвел ребенка к старушке Чэнь, сказав, что привез ей внука и отныне он будет жить в семье Цинь.

Малыш не был пухлым, но зато выделялся своей чистотой и белизной кожи. В его огромных глазах, расположенных на пухлом личике, читалось любопытство, пока он оглядывал обстановку, пуская слюни, которые уже насквозь пропитали нагрудник.

Старушка Чэнь повидала в жизни немало бурь, но даже она не смогла сразу принять внезапное появление ребенка.

Цинь Ли и Дин Инь почти всё время проводили на работе, заглядывая домой от силы пару раз в год. Даже старший внук семьи Цинь, Цинь Цзай, появился на свет лишь по случайности. А теперь они привезли такое миловидное, словно выточенное из нефрита дитя — это выглядело крайне нелогично.

Взрослые за столом не спешили брать палочки: все ждали старшего внука семьи Цинь, Цинь Цзая, который наверху строил башни из кубиков.

Из коридора послышался топот бегущих ног, и в столовую вбежал мальчишка с озорным и смышленным взглядом — в этом чопорном особняке он выглядел как глоток свежего воздуха.

Увидев, что на его привычном месте сидит какой-то ребенок, Цинь Цзай недовольно нахмурился. Сжав кулачки, он без лишних слов столкнул малыша со стула, забрался на него с помощью специальной подставки и сел сам.

Цинь Ли молниеносно подхватил упавшего ребенка, прижимая его к себе, и сурово прикрикнул:

— А-Цзай, кто тебя научил толкаться?!

Цинь Цзай не проронил ни слова, взял палочки и принялся за рис, словно в комнате вовсе никого не было.

Старушка Чэнь поспешила сгладить углы:

— Ладно, не ссорьтесь, как только встретились. Я забыла предупредить, что это место всегда занимал А-Цзай. Давайте, садитесь есть.

Раздался раскат грома, и тяжелые капли дождя, размером с боб, забарабанили по стеклам. Ветер не унимался, предвещая бессонную ночь.

К тому времени старушка Чэнь уже узнала всю историю ребенка, и даже будучи готовой к услышанному, она не смогла сохранить спокойствие.

Приемный отец этого мальчика был сослуживцем Цинь Ли. Поскольку у них самих детей не было, они усыновили ребенка из приюта — его нашли в прибрежной траве. По словам воспитателей, на нем даже пеленки не было, весь промокший, в грязном комбинезоне цвета не разобрать. Даже бродячая желтая собака, что терлась рядом, выглядела более ухоженной.

Хэ Чжэн и его жена Кун Байюй усыновили мальчика. Молодожены погрузились в радость родительства, скупив всё необходимое, но вот с именем никак не могли определиться, поэтому звали его просто Энь-энь.

Не успели они выбрать имя, как Хэ Чжэн бесследно пропал во время выполнения задания, а его жена Кун Байюй приняла решение уйти в тень, чтобы завершить начатое мужем. Ребенка оставили на попечении Цинь Ли.

Так, почти в три года, мальчик остался без имени.

Он остался в семье Цинь, а Цинь Ли и Дин Инь, не обмолвившись ни словом прощания, снова ушли в бушующий ливень, оставив этого малыша в доме.

— Бабушка! Пусть он замолчит! — раздался с третьего этажа гневный вопль Цинь Цзая, долетевший до самой гостиной.

С тех пор как Цинь Шухуань появился в доме, подобные сцены разыгрывались почти ежедневно.

Имя Цинь Шухуань дала ему старушка Чэнь. Сначала она хотела, чтобы имя выбрал Цинь Цзай, но тот, узнав, что будет младший брат, начал предлагать что-то вроде Цинь Тан-тан или Цинь Тянь-тянь. Старушка Чэнь, взглянув на это, решила взять дело в свои руки и назвала его Шухуань — смысл был прост: пусть живет в семье Цинь в комфорте, а когда найдутся родные, его вернут обратно.

Цинь Цзай примчался вниз, чувствуя свое превосходство старшего, вскарабкался по подставке в манеж и, ткнув пальцем в лоб Цинь Шухуаню, прошипел:

— Ты, вонючая Конфета, играй со своими игрушками и не смей издавать ни звука, понял? Еще раз пискнешь — выкину тебя на улицу.

Тан-тан — это домашнее имя Цинь Шухуаня. Цинь Цзай, словно желая подчеркнуть его исключительность, всегда добавлял перед ним слово вонючая и разрешал так называть его только себе.

В этом году Цинь Цзай пошел в первый класс — семья заранее выбрала школу, государственную начальную школу для детей служащих, до которой было всего перейти через дорогу.

Будущий школьник Цинь Цзай был полон энергии. Каждый день, вернувшись после того, как он «верховодил» во дворе, он считал своим долгом помучить Цинь Шухуаня — только после этого его дневная норма активности считалась выполненной.

— Вонючая Конфета, положи дыню мне в рот, — Цинь Цзай лениво развалился с книгой, ожидая, пока Цинь Шухуань его покормит.

Цинь Шухуань, неуклюже перебирая ручками и ножками, спустился с красного дивана, обошел его, придвинул маленький стульчик и, подцепив кусочек дыни, который лежал прямо рядом с Цинь Цзаем, поднес его ко рту маленького господина.

Вернувшаяся старушка Чэнь увидела, как ребенок, который еще едва доставал до стула, на своих пухлых ножках старательно прислуживает вальяжно развалившемуся Цинь Цзаю.

Она поманила Цинь Шухуаня рукой:

— Тан-тан, иди сюда, не нужно его слушать.

Цинь Шухуань послушно засобирався вниз.

Увидев, что его прислуга хочет уйти, Цинь Цзай, жуя дыню, пригрозил:

— Только попробуй спуститься.

Цинь Шухуань, конечно, не посмел. Он послушно замер на стуле, ожидая, когда Цинь Цзай даст команду продолжать кормление.

Старушка Чэнь смотрела на деспотичное поведение внука и ничего не могла поделать.

К счастью, время летит быстро, и вскоре настал день, когда маленький Цинь Шухуань пошел в детский сад.

Детский сад открывался раньше школы, и Цинь Цзай, решив, что дома скучно, поехал вместе с бабушкой провожать Цинь Шухуаня.

Цинь Цзай уже выпустился из этого садика, поэтому заходить внутрь ему было неинтересно. Он даже не вышел из машины, сидя в салоне и давая указания:

— В садике каждый день дают йогурт. Клубничный не пей, оставь мне, понял?

Цинь Шухуань с маленьким синим рюкзачком за спиной, в белых штанишках и черной кофточке, выглядел таким милым и опрятным. Он поспешно закивал:

— Понял, брат.

У старушки Чэнь от возмущения закипела кровь, и она не удержалась, слегка шлепнула Цинь Цзая:

— Дома столько молока, что тебе всё мало? Обязательно отнимать у Тан-тана?

Цинь Цзай и слушать не хотел: Цинь Шухуань должен его слушаться, и если он сказал сделать

что-то, значит, тот обязан подчиниться!

У ворот детского сада многие дети вцепились в родителей и заливались слезами. Послушание Цинь Шухуаня на фоне этого хаоса выглядело как нечто инородное.

Старушка Чэнь присела, поправила рюкзачок Цинь Шухуаня и потерлась щекой о его пухлую щечку:

— Не нужно оставлять йогурт брату, выпей сам. Поспишь, пообедаешь, поиграешь немножко, и бабушка придет тебя забирать. Если соскучишься — попроси воспитательницу позвонить, и бабушка сразу примчится.

Цинь Шухуань понимающе кивнул. Почувствовав, что бабушка расстроена, он, подражая персонажам мультфильмов, обнял ее за шею, похлопал по спине, а затем сразу отстранился и встал как примерный мальчик.

Сердце старушки Чэнь растаяло. Она еще раз погладила его пухлые щеки и собственноручно проводила внутрь, открыв для Цинь Шухуаня путь к школьной жизни.

<http://bllate.org/book/21844/2264879>